

22 августа — на следующий день после того, как советские танки вошли в Чехословакию, — в Институте русского языка, как и во многих других учреждениях, объявили митинг в поддержку этой акции. Поддержка требовалась, естественно, единодушная. Утром 22-го я зашел в сектор прикладной лингвистики, где работал К. И. Бабицкий. Он сидел за столом и что-то сосредоточенно писал. Я склонился к нему и сказал:

— Слышал про митинг? Мы с ребятами решили на него не ходить, чтобы не участвовать в этом позоре.

— Кто решил? — спросил Костя. — Я ничего не решал. Я пойду. — Он пошел и выступил на митинге, сказав всего две фразы: «Родина — мать, а матерей не выбирают. Но сегодня мне стыдно, что я родился в России». Стоит ли напоминать, какой смелости в те годы требовало такое выступление!

Но Константин Иосифович на этом не остановился: вместе с еще шестью, — как мне тогда казалось, безумцами — он отправился 25 августа на Красную площадь и там демонстративно протестовал против ввода войск в Чехословакию. И в этом событии, точнее, накануне его он вел себя неординарно, но для себя вполне органично и естественно.

24-го вечером распространилась информация, впоследствии оказавшаяся ложной, что в Политбюро готовится решение (по поводу Чехословакии), которое в корне изменит ситуацию. Поэтому была сделана попытка предотвратить ненужную жертву — отговорить ребят завтра идти на площадь. Человек, который взялся за это, рассказывал мне, что, последовательно заезжая домой к каждому из них, он смог отговорить от демонстрации трех или четырех человек. А на Бабицком споткнулся: Костя сказал, что, даже если никто не пойдет, он выйдет один.

Его совесть не могла мириться с вопиющим безобразием. Вообще же К. И. Бабицкий был совершенно не политик. Он жил своей, далекой от политических интриг жизнью. И радовался этой жизни: внутренне он был человек гармоничный и светлый, не утративший этого свойства даже в тяжелых условиях ссылки и потом в многолетних скитаниях в поисках работы. Такой цельной натурой он остался до конца. Обстоятельства и Система не могли согнуть К. И. Бабицкого, заставить его изменить себе. Они его сломали.

Из выступления Ф. К. Бабицкого:

Отец с исключительной серьезностью и бережностью относился к языку. Его глубоко возмущало искажение смысла слов, использование хороших слов в дурных целях, особенно политических. Он часто говорил: «Нельзя уступать большевикам ни одного слова». Например, он очень любил слово «товарищ», которое всегда употреблял в его подлинном, не искаженном смысле.

Из выступления А. Н. Барулина:

Алексей Всеволодович уже говорил, что Константин Иосифович был человеком фундаментальным. Я имел возможность убедиться в этом, когда мы в походе играли в МПС («мой правый сосед»). Это игра, в которой водящий должен угадать, что скрывается за буквами М П С, задавая вопросы типа: «Это животное?», «Это предмет обихода?». Остальные должны отвечать правду, имея в виду каждый своего правого соседа. Костя был водящим. Он тут же изобрел систему сужения классов и приступил к исчислению. Исчисление длилось больше часа, но результат маленького исследования был получен. Началось оно с вопроса: «Это материальный или идеальный объект?». Потом были вычислены размеры: «Это объект макромира или микромира?», дальше с такой же методичностью дробились меры и т. д.

Еще я хочу сказать в связи с выступлением Федора Константиновича, что мне кажется очень важной мысль о честном отношении к языку, потому что в современном мире язык все больше и больше используется как самое настоящее оружие, и это оружие страшнее, чем атомная бомба. Тот факт, что 70 лет просуществовала империя большевиков, можно объяснить, в частности, и тем, что они создали мощный механизм идеологической обработки, от которого не было спасения никому. Главным звеном в этом механизме были семиотические системы: литература, кино, театр, живопись, музыка и др.; основу их образовывали